

Братских народов
союз вековой.

Литературно-художественные журналы советского периода были не только источником новых произведений, но и уникальной площадкой для диалога культур. На их страницах встречались писатели, поэты, критики из всех уголков огромной страны. Переводы, очерки о национальных культурах, статьи о традициях и быте способствовали взаимопониманию и уважению между народами. Через литературу формировалось чувство сопричастности к общей истории и судьбе.
Литературно-художественные журналы советского периода – это бесценное наследие, напоминающее о важности дружбы, взаимопомощи и уважения между народами. Их страницы учат нас ценить многообразие культур и строить будущее на основе согласия и единства.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИВАН ФРАНКО

★

СТИХОТВОРЕНИЯ

В августе 1956 года исполняется сто лет со дня рождения Ивана Франко — одного из величайших писателей украинского народа. Даже неполный библиографический список произведений Ивана Франко заключает в себе свыше четырёх тысяч номеров. Франко был одинаково самобытен и как поэт, и как прозаик, и как драматург, теоретик литературы, общественный деятель. Поэт-гражданин, он всё своё творчество посвятил борьбе за раскрепощение обездоленного и угнетённого украинского народа. «Разнообразие тем, сюжетов, мотивов, настроений в творчестве Франко поистине изумительно,— писал Максим Рыльский.— Мы видим у него и страстные, глубоко напряжённые и предельно искренние стихи на гражданские мотивы, и неподражаемые по простоте бытовые зарисовки, и острые, в гейневской манере сделанные сатиры, и мягкие, тёплые идиллии, и полные отчаяния страницы «Увядших листьев», и своеобразные разработки библейских, средневековых, древнерусских, древнеиндийских, древневавилонских сюжетов».

Юбилей Ивана Франко, революционера-демократа, по решению Всемирного Совета Мира отмечается во всех странах.

Ниже мы печатаем стихи Франко, на русский язык переводящиеся впервые.

МАЙСКИЕ ЭЛЕГИИ

1

Ты меня мучишь, весна! Рассыпаешься блёстками солнца,
Тёплым дыханьем поишь, манишь в простор голубой!
Лёгкие шарики туч погоняя по ясному небу,
Шёлковой пряжей из них дождик струишь на поля.
Горсточку серой земли ты подбросишь, играя, на воздух —
В воздухе вмиг из неё птичья рассыплется трель.
Криком своих журавлей ты наводишь сердечную смуту,
Сон о привольных краях — счастье далёком моём.
Ты лебединым крылом поднимаешь хрустальные волны —
Слышу их радостный плеск в далях лазурной реки.
Вижу, как чайкою ты над глубокой трепещешь волною,
Как над широким Днестром гнёшься упругой лозой.
Ты меня мучишь, весна! Миллионами красок и линий,
Всё своим видом кричишь: «Воля, движение, жизнь!»
Словно былинку, меня увлекаешь ты в эту стремнину,
Новые чувства родишь в сердце увялшем моём.
Ты освещаешь пустырь и бесплодные будишь желанья,
Нежно качаешь в ветвях птички пустое гнездо;
Голову низко склонив, раздуваешь погасшее пламя,
Посвистом в рощу зовёшь, словно мой друг молодой.
Нет, уж не мне там гулять, в этой роще, любимый мой сокол!
Зайцем весёлым не мне в яркую зелень нырять!
Сердце трепещет ещё и в груди ещё кровь не остыла,



Звезда 1964 №9

ИЗ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ

Максим Рыльский

К МОЛОДОСТИ

Не жизни жаль с томительным дыханьем
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет уходя.

Фет

Каким бы стал глупцом я нестерпимым,
Когда б завидовать я начал юным,
Румянощеким и лучистооким,
Когда бы впал в немыслимую зависть
К здоровым, сильным, стройным, молодым,
К тем, что считают не без основанья
Себя хозяевами нашей жизни,
К той смене, что пришла тебе и мне,
Мой добрый друг, неведомый, далекий!
Нет, нет! То был бы стариковский бред!
Мне жаль рассветов тех, что раз лишь так пылали,
Неповторимых гроз, что в вечность отсверкали,
И сердца трепета, и губ и той
Весны, что, птицей взмыв, рассветною порой
Исчезла без следа в белеющем тумане.
Жаль благодатных слез, несбывшихся мечтаний
И горечи немой, что сердце в тишине,
Как сок березовый, оздоровляла мне,
Что белая кора сочит, слезой роняя...
Мне жаль предчувствий тех, что вянут, остывая
От ветра первого, едва он тронет их...
Жаль проблесков меж туч легчайших голубых,
Полета ласточки, что над землею мчится
Предвестницей грозы, как синяя зарница,
И леса мглистого, где затихает шум
От счастья, от росы, от соловьев и дум,
Мне жаль девичьих рук, очей бездонных, темных,
Жаль утреннего сна и тех ночей бессонных,
Что были мне как сон, как света с тьмой игра...
Жаль горя первого и первого добра,
Великой дружбы жаль, что в миг один сгорала,
Улыбки золотой, что мне всегда сияла,
Снегов и снегирей, и дней, зовущих вдаль...
Жаль света целого — земли и неба жаль!

Перевела Мария Комиссарова

Микола Романченко

БЕЛЫЕ НОЧИ

...И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит...

А. Пушкин

Кто только не пел вас, белые ночи!
Здесь пушкинский Всадник скакал к новой дали,
И в Летнем саду Тарасовы очи
Средь мраморных статуй музу искали.

Ходила в мечтах Достоевского Настенька,
Чиновников Гоголя сковывал страх,
Ходила по Невскому вся наша классика
В мундирах, в шинелях и просто в лаптях.

Петровской булыгой, лишь ночь разольется,
Мечтой воскрешая сказанья былые,
Гулак-Артемовский здесь вел запорожца,
И пела чудесно его Соломия.[1]

Здесь в белые ночи, сквозные, без тени,
Героев своих выводил он на свет...
И в белые ночи здесь бодрствовал Ленин
Для нас и для мира, для солнечных лет.

Перевел Всеволод Рождественский

Ростислав Братунь

* * *

Галактики
Давно погасли,
А свет их
Движется досель,
А свет
Летит,
Живой и ясный, —
Летит
В рассвета колыбель.
Летит
Навстречу
Дивам дивным,
Где звездопадов
Круговерть,
Где пояса
Нейтронных
Ливней,
Где тайны тайн,
Где жизнь и смерть, —
Летит,

[1] Соломия Крушельницкая (1873—1952) — известная певица, исполнительница оперных партий, в том числе и Одарки в опере С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем».

Владимир Сосюра

ПОЭТУ

Ты слышишь — молот бьет о камень,
Где люди пробивают путь!
Ты не витай за облаками —
Всегда к народу ближе будь.

Крутые он берет высоты,
Трудом меняет русла рек.
Его порывы и заботы
Твоими станут пусть навек.

Он — властелин своей планеты,
Согрей себя в его тепле,
И будешь ты его поэтом
Жить не напрасно на земле.

Перевел Петр Жур

ИЗ ЛИТОВСКИХ ПОЭТОВ

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Время

Куранты бьют на древней Спасской башне,
Их гулкий бой я в памяти храню.
Во мглу веков уходит день вчерашний,
Давая место завтрашнему дню.

Проходит ночь, садится иней белый,
Поют над спящим Неманом ветра...
Ты думаешь: ты всё ли за день сделал,
Что нужно и намечено с утра?

Ты знаешь, что в Кремлёвском кабинете,
Отец и друг, вперёд ведущий нас,
На завтра план отчётливый наметил,
И дорог нам в работе каждый час.

В блокноте Сталина растут пометки,
Из трубки вьётся синеватый дым,
И план послевоенной пятилетки,
Как карта битв за счастье, перед ним.

И каждый день своим трудом полезным,
Как воплощенье сталинских идей,
Ложится камнем, балкою железной
Великой стройки счастья для людей.

И солнце ты приветствуешь, как друга,
Готовя встречу ласковой весне,
Ты лишний пласт поднимешь острым плугом
Ещё кирпич уложишь на стене.

Куранты бьют на древней Спасской башне,
Их гулкий бой я в памяти храню.

Антанас БАРАНАУСКАС

Аникшчяйский бор

(Из поэмы)

А сосенки мои, те сосенки несметны!
Стройны и высоки, их кроны яркоцветны,

И летом и зимой весенни их вершины,
Ствол задевает ствол, качаясь, как тростины.

На полверсты вперёд не видно в чаще мглистой,
Ни бурелома нет, ни хвороста—всё чисто!

И ветви не сплелись, не заплетают дали,
А сосны ровные, как будто сучья сняли.

А запах, что сказать, то тёплых сосен соки,
То ветер чуть дохнёт цветочным сном глубоким.

То клевер луговой ты чуешь белый, красный,
Ромашку и чебрец с несмятых трав атласных.

То бугорок пахнёт, где город муравьиный,
То хвои, желудей и листьев запах дивный.

Всё разный аромат, как ветерок повеет,
Он каждый раз иной—то крепче, то нежнее.

То мох с брусникою приплыли, вот уж рядом,
То дерево цветёт, в бору запахло садом.

То дышит бор, как зверь, с дождём омытой шкурой,
Шлёт запахи полям со щедростью нехмурой.

В ответ с полей, с лугов, в сосновых рощ полянах
Тот запах нив и трав ты чувствуешь, как пьяный,

И ароматы все перемешались в чудо,
Вдыхаешь сладость их, не зная, что откуда.

Поля и лес и луг здесь сговорились дружно,
Чтоб сделать эту смесь из лучших смол жемчужных.

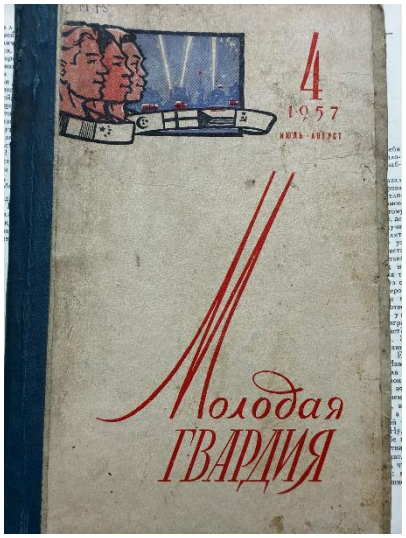
Льют небу аромат в напевах леса гибких,
Как будто здесь поёт, смеется, плачет скрипка.

Перевод Николая Тихонова



Примечание: Поэма «Аникшчяйский бор» — одно из крупнейших произведений литовской поэзии, оказавшее огромное влияние на всю лирику Литвы. Возникновение поэмы связано с «Паном Тадеушем» Адама Мицкевича. Антанас Баранаускас, родившийся в одной из самых живописных местностей Литвы в крестьянской семье, после всяческих злоключений попал в духовную семинарию. На уроке литературы его глубоко задело замечание одного из ксендзов-профессоров, разбиравшего «Пана Тадеуша». Ксендз заявил, что только польский язык годится для поэзии, а литовский пригоден для одних лишь мужиков.

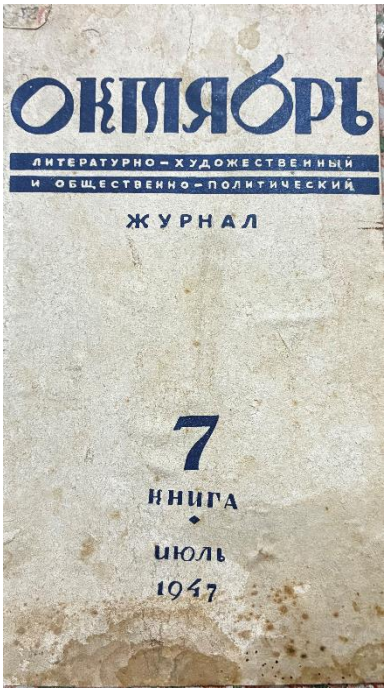
Побуждаемый оскорблённым национальным чувством, Баранаускас решил написать по-литовски поэму, посвящённую природе родного края. В результате в 1858—1859 годах возник «Аникшчяйский бор».



Б. ОКУДЖАВА

Я ВСТРЕЧАЮ ГОСТЕЙ

Я успел полюбить
до корней просоленный,
в гулкие горы берущий разгон,
этот
утопающий в синем и зеленом
светлый город на ветру морском.
Там выносит волна,
как из дедовских сказок,
удивительное чудо свое —
старые смоленые баркасы,
серебром набитые до краев.
И приходят корабли
из стран не близких
в порт,
устав от долгих странствий,
взбивши пены купола.
И звучит
говор сдержанный английский
с итальянской речью страстной
пополам.
И идут в чудных нарядах,
удивленья не упрятав,
любопытства
не осилив,
из заморских стран ребята
по Советской по России.
Я встречаю их хозяином
на июльских мостовых,
я волнуюсь: быть хозяином
не просто.
Как бы их июльский полдень
зноем не остано
и незваными себя
не почувствовали б го
Город, город,
по холмам идущий!
Подари им роз своих цветенье,
не обидь случайным равнодушьем,
свежестью ночей своих
одень их.
Им не по речам,
не по оркестров меде
а по будням,
что придут на пристань,
по улыбкам,
что подарят люди, встрети
помнить Родины моей
гостеприимство.
...И приносит ночь
звезд июльских рос
И уходят в странствие
корабли.
И над Черным морем
долго пахнут ро
добрые цветы
моей земли.



СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ БУБЕННОВ — Белая берёза. Роман *(Окончание)* .
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — Басни . . . . . .
ГРИГОРИЙ КОНОВАЛОВ — Университет. Роман *(Продолжени*

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ

САМЕД ВУРГУН — Царство вышек. Перевод Н. Павлович .
СУЛЕЙМАН РУСТАМ — Поэзия. Перевод Ю. Баласанова
ОСМАН САРВИЛЛИ — Ковёр. Перевод Е. Николаевской .
Т. ЭЮБОВ — Могила бойца. Перевод Н. Беленович . . .

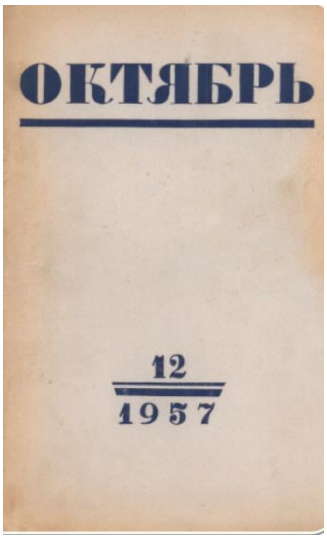
ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ

Самед ВУРГУН

Царство вышек

(Из поэмы о Баку)

...Теперь на промыслах «Биби-Эйбат»
Я славу недр земных постигнуть рад,
Что ж накаляет сердце грозных скал?
Чей голос в чёрной бездне прозвучал?
Какая кровь в артериях земли?
Иль бури эти горы намели,
Иль скрылся в преисподней океан
И мчит волну подземный ураган?
Гром, словно горы падают в бою.



СТИХИ ЯКУТСКИХ ПОЭТОВ

МАКДРОВ — ДЖОН ДЖАНГЛЫ

Белошейка

Взревел «У-2», вздымая клубы снега,
Всем корпусом могучим задрожал.
И молодым собакам на потеху
По насту ледяному побежал.

Лохматая смешная белошейка
Одна живому смыслу вопреки
Сорвала с головы своей ошейник
И кинулась за ним вперегонки.

Залаяла в охотничьем ударе,
Дрожат росинки пота на носу.
Но летчик не заметил серый шарик,
Упрямо копошащийся внизу.

Прибавил скорость, в небо улетая,
В хохочущую жгучую пургу.
И головой бессмысленно мотая,
Застыла белошейка на снегу.

Следит за самолетом удивленно,
И весь табун собачий удивлен:
Ведь обогнал земного почтальона
Воздушный легкокрылый почтальон.

Перевод с якутского И. Вараввы.

Иван ГОГОЛЕВ

Матери

Мама, мама моя, после всех своих странствий
Возвращусь, как стрела на излете, домой
И, промолвив негромко: «Родимая, здравствуй!»,—
Словно в детстве, в колени уткнусь головой.

Колыбельную песню не пой мне протяжно
И о девушке тайно не думай порой —
Чернобровой, веселой, с которой однажды
Ты меня повстречала на тропке лесной.

Мама, мама моя, этим вечером синим
Расскажи про печальную юность свою,
Что, подобно исхлестанной ветром осине,
Облетела листвою в таежном краю.

Ты в красивый платок нарядиться хотела,
Чтоб на нем во всю ширь — огневые цветы.
Но богатства иного тогда не имела,
Кроме лишь соболиной своей красоты.

На чужих жерновах ты зерно растирала,
Выбиваясь из сил: был нелегок твой труд.
И унылая песенка вдаль уплывала
Про молочные реки, что где-то текут.

Мне покажется вдруг, что, оставив работу,
Встала ты на далеком, на том берегу,
Где пугливые кряквы, готовясь к отлету,
Собираются в стаи, качая кугу.

Коромысло тяжелое с плеч опустила,
Чтоб озябшие руки дыханьем согреть.
И шумят камыши: «Ты о чем загрустила?
Ты кого в этот час ожидаешь, ответь?»

Если б можно опять свою молодость встретить,
Чтоб ковром расстелился к ногам твоим луг,
Чтобы самые лучшие песни на свете
Веселили твоих голосистых подруг...

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Звезда

6 июнь 1982

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Елена Рывина

Стихи о Родине

Пусть осень дождями промокла,
А дальше плетется зима —
Недаром широкие стекла
Мы в наши вставляем дома,
Чтоб солнце почаще входило
В дневной или утренний час,
Затем, что нам незачем прятать
Спокойных приветливых глаз,
Нам нечего прятать от света,
И счастья нам незачем красть,
Я думаю —
именно это
Зовется Советская власть.

Неправда, что будто у хлеба
Всегда одинаковый вкус.
Наш хлеб достается работой,
Не знающей горечи груз.
Мы можем придумать любое,
Куда бы пути ни вели:
Мы можем спускаться в забои,
Мы можем вести корабли.
Мы строим и пишем портреты,
Мы можем учить или прясть,
Я думаю —
именно это
Зовется Советская власть.
Мы — дети великой Победы,
И в том наша гордость и честь,
Но в мире живут людоеды,
Разбойники в нем еще есть.
Не люди —
хотя и двуноги —
Мечтают на землю напасть,
Но встала у них на дороге,
Как прежде, Советская власть.

Мы знаем —
не бомбы, а души
Всегда побеждали в бою.
И мы не позволим разрушить
Прекрасную землю свою.
Мала и огромна планета,
И мы не дадим ей пропасть.

Я думаю —
именно это
Зовется Советская власть.

ОКТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1–2 | ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы | 1945

АНВАР АДЖИЕВ

* * *

Родная! В разлуке — забыться б сном, —
День — годом, минута — и та длинна.
На мерзлой стене блиндажа штыком
Я вырезал имя твое, жена.

Тебя вспоминая, вперед иду, —
И тают снега, и раскрыт простор.
Прощальной руки твоей теплоту
Я чую в руке моей до сих пор.

Шлют ветры привет мне издалека:
Видали, — ты шла к роднику одна.
Глоток бы воды из того родника,
Хоть каплю б из твоего кувшина...

Ты — в сердце. Но путь к роднику лежит
Далекий, тернистый, в огне и мгле.
И жажду — месть — не вода утолит,
А недруга кровь на прусской земле.

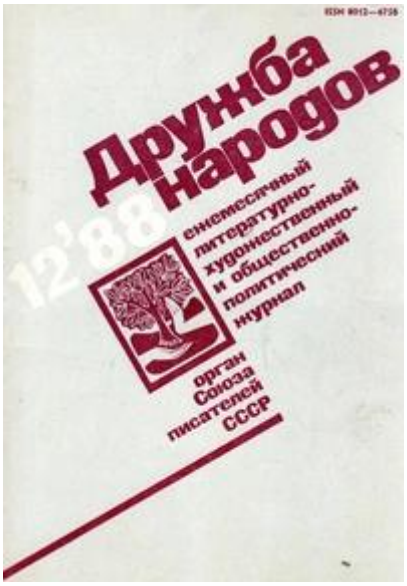
Пройду все германские реки я,
На белокопытом вернусь коне
Туда, где нас обнимала струя,
Как часто река эта снилась мне.

Я знаю: встречая, примешь коня, —
Нет аргамака на земле быстрей.
Я знаю: шашку снимешь с меня, —
Нет златоустинской стали острей.

Я знаю: винтовку возьмешь, — отдам, —
Из метких самою меткой была.
О, как ты прильнешь к моим губам,
Хоть война иссушила их, обожгла.

Перевод с кумыкского
С. ОБРАДОВИЧ.





Магжан Жумабаев.

Жизнь.

(Публикация стихов Зулейхи Жумабаевой)

Темнеет воздух, хмурится природа,
Тревогой наполняется душа.
За тучами не видно небосвода,
Блеск молнии, гремит вдали гроза.

Со свистом ветер воет и ярится,
Потоки ливня, словно из ведра.
В пристанищах животные и птицы
Попрятались от ветра и дождя.

Но вот лазурь открылась, убегает
Ненастье, в спешке развернувшись
вспять.
Выглядывает солнце, улыбаясь,
Чтобы лучами землю вновь объять.

В омытом небе облака белеют,
И ветер буйный их не гонит вдаль.
Цветы благоухают, степь юнеет,
Запели птицы звонко, мир воспрял.

Вот так же жизнь зыбка, непостоянна.
То пеленой укроет мрачных туч,
То боль, печали преподносит рьяно,
А то мелькнет надежды светлый луч.

перевод с казахского
А. Парщикова.

Фазу Алиева.

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

12 ДЕКАБРЬ 1973

Октябрь 1972

Должница весны

В глаза я вбираю
Лиловое небо,
Росу золотую
Вбираю в ступни,
Вбираю всей грудью
Прозрачную негу,
Стихи я слагаю в весенние дни.

И венчик фиалки,
И кустик жасмина,
И веточка персика —
Все мне слова!
Краду у весны
И легко и невинно
И, может, имею на это права.

Не всем ведь дано
На рассвете весеннем
Капризной природы
Читать письмена
И этот рассвет
Называть вдохновеньем.
И все же твоя я должница, весна.

Но столько вселить
Я хочу в эти строки
Восторга ручьев,
И блаженства ветвей,
И жара лучей,
Чтоб в грядущие сроки
Себя назвала ты должницей моей.

Чайка

Белая чайка
Над морем седым:
Повсюду собственный дом,—
Волну разрезает крылом одним,
А небо — другим крылом.

А ты неотрывно
За ней следишь,
Восторга полны глаза:
— Какое богатство у ней,—
говоришь,—
И море и небеса!

А я отвожу
Напряженный взгляд,
Измучена мыслью одной:
Я чайки этой богаче стократ
В часы, когда ты со мной!

Весь мир тогда
Ощущаю своим...
Но лучше смолчу опять:
Не я ведь любима,
А ты любим!
Тебе ли меня понять?

На льду

Я знаю одно:
Я с тобою иду
По жизни, как будто по гладкому
льду,
И даже не знаю,
Куда мы идем,
Река или море затянуто льдом.
Боюсь я
Не скользкого блесткого льда,—
Ну что ж, упаду — поднимусь,
не беда!
От страха сжимается сердце
в груди
Пред однообразьем
Такого пути:
Лишь холод, да гладкость,
Да блеск ледяной.
А я рождена для дороги иной.
Люблю я
Морского прибоя набег,
Кипение горных обрывистых рек.
Во имя моей безоглядной любви
Молю тебя:
Лед растопи иль взорви! —
Пусть даже
Волною морской захлебнусь
Иль насмерть о камень речной
разобьюсь!

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

***

Иной твердит с утра до вечера:
«Люблю, люблю!» — в который раз! —
Преуспевая в красноречии
И не жалея громких фраз.
Пусть пылки все его признания,
Пускай и вправду он влюблён,
Но чем охотней и пространнее
При всех шумит об этом он,
Тем недоверчивее слушаю
(Надолго ли такой запал?),
Тревожусь, как бы чувства лучшие
Он под шумок не растрепал.

Другой — тот даже другу близкому
Всего не выскажет сперва
И жар своих признаний искренних
Не сразу облечёт в слова.
Он лишь улыбкою застенчивой,
Сиянием смущённых глаз
Расскажет о любимой женщине.
Но как правдив его рассказ!
И вспыхнет пламень, скрытый ранее,
Нас убеждая вновь и вновь —
Здесь не случайность, а призвание,
Здесь не влюблённость, а любовь.

Прости, что я стихов лирических
Тебе не много посвятил,
Но дело, право, не в количестве,
И не в словах — сердечный пыл.
А коль не в каждой строчке встретятся
Признаний жаркие слова,
Пусть между строк звенит и светится
Всё, чем душа моя жива.
Но если пышными речами я
Вдруг увлекусь — останови,
Вели молчать. Ведь и в молчании
Я весь — признание в любви.



В ДАЛЕКОМ АУЛЕ

В дагестанском далёком ауле
У друзей коротали мы ночь.
Облака на пороге уснули —
Видно, выше подняться невмочь.

Поплажневшие листья набрякли,
Птицы пили спросонок росу.
За открытыми окнами сакли
Где-то в бездне кипела Койсу.

Мы сидели в просторной кунацкой,
Где в коврах и кинжалах стена,
Запевая по-русски, по-лакски,
Подливая друг другу вина.

Уступая желанью хозяев
И достойно встречая восход,
Встал с бокалом Юсуп Хаппалаев,
Уроженец Кумухских высот.

По дорогам, где горное эхо
Грохотало машине вослед,
Он из города нынче приехал
В свой аул на побывку, поэт.

Над вершинной подоблачной ширью
Стих, вдвойне нам знакомый, возник —
Зазвучали и «Парус» и «Мцыри»
В переводе на лакский язык.

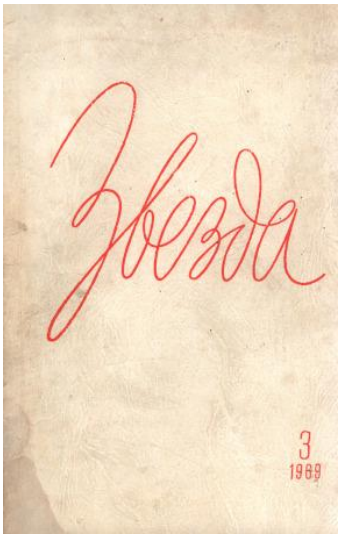
Те, что вышли дышать на терраску,
Сразу хлынули в комнату вновь,
Услыхав, как бушует в кунацкой
Чья-то молодость, чья-то любовь.

А плечистый старик, что на свете
Прожил сто удивительных лет,
Произнёс: — Этот Лермонтов, дети,
Самый лучший кавказский поэт.

Затмевая горящую лампу,
Посветлело большое окно.
Нестареющей музыкой ямба
Было всё в этом доме полно,

Непривычным звучанием строчек,
Обаянием русских стихов.
Всё читал и читал переводчик,
Одаряя своих земляков.

В это время в просветах тумана,
За обрывистой кромкой тропы,
За скалою взметнулись нежданно
Ослепительные снопы.



ЭЛИДА ДУБРОВИНА

РОССИЯНКА

ПЕРВОЛЕТЬЕ

В ломких молниях, в белых зарницах.
Перекатной зеленой волной
Прошумела весна-огневица,
Пронеслась над обрывистой Цной.

И, в беспамятстве гроз хорошея,
Затевая с громами игру,
Лебединые белые шеи
Распластала на гибком ветру.

По отъемным лесам и яругам,
По болотам, где мается мгла,
По русалочьим синим излукам
Огнецветы свои подожгла...

С торопливой, веселой тоскою,
Вся — извечных страстей кутерьма,
Окуням нашептала такое!
Соловьих посводила с ума!..

Осыпается ландыш неслышно,
Пахнет медом когтистый осот,
И впервые расцветшая вишня
В тайном трепете завязи ждет.

Зной июньский и мягок и светел...
Зреют жизни в глубинном тепле.
Перволетье мое,
Перволетье —
Грозовая пора на земле!

• • •

Березень мой,
Апрель-водолей!
Сгони сугробы
С лугов и полей!

Пусть,
Как черные строчки
Солнечных книг,
Тянутся в небе,
Кричат журавли...

И травинка,
Как тоненький крик,
Вырывается
Из земли.

ЗЕЛЕНА

Ходит Зелена,
Ходит Зелена
Лесами,
Тропами зверьими,
А косы Зелены,
А косы Зелены
Зеленые,
В брызгах вереска.
А руки Зелены
Бело-березовы,
Горят на них росы-яхонты
А губы Зелены
Зелено-розовы,
Как недозрелые ягоды.
А платье Зелены
Сине-зеленое,
В дымящихся облаках...
Ходит Зелена,
Ходит Зелена —
Два солнышка волчьих
В зрачках...
Ходит Зелена,
Ходит Зелена,
Дикарка,
Иволгой свищет.
Для всех позабытых,

НОРА ЯВОРСКАЯ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

В СТЕПИ

На склоне клонятся пугливо
под ветром пряди ковыля.
Мне показалось: это грива
зеленогривого коня.

Дневное дрогнуло светило,
и вдруг —
Мгновение, замри! —
я под собою ощутила
движенье трудное земли.

А я — на ней,
неистребима,
навек бессмертна и легка,
и — лишь свистящий ветер мимо,
и — мимо валом облака.

Куда-то в сторону сносило
меня —
в безбрежный материк...
Спасибо, степь моя, спасибо
за необъятный этот миг!

• • •

Сентиментальный домик на песке, —
его в своем я выстроила сердце,
там никогда не запирают дверцы,
там я живу с тобою. Налегке.

Я сбросила тяжелые плоды:
свои заботы, годы и сомненья.
Я променяла зрелость на цветенье,
я заровняла опыта следы.

Теперь ничто не разделяет нас.
Хоть произвол и не в моей натуре,
но ты в моей наивной редактуре —
как по канонам правленный рассказ.

Сентиментальный домик на песке,
он — карточный. Любое дуновенье,
и нет его — лишь пестрое круженье
да профиль на картонном лепестке..

Сентиментальный домик... Наяву
я в настоящем, каменном, живу.
Он так надежен, этот прочный дом!
Но я и дня не выдержала б в нем,
когда б не тот, в далеком далеке
сентиментальный домик на песке.

• • •

Не бойся, я — в русле, разлива
не будет,
и ты не промочишь беспечные ноги.
Щедра я, щедрей, чем творящие боги,
щедра я, щедрей, чем кормящие
груди.

И все же не бойся, разлива не будет.

Я так милосердно тебя обтекаю.
Я знаю: капризным ребенком
заплачешь,
я знаю, на что я себя обрекаю...
Но, нищий со мною, — ну чем ты
заплатишь?!

И я милосердно тебя обтекаю.

Арсений Тарковский

* * *

Я ветвь меньшая от ствола России.
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам боль моя и благо,
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛь святого языка.

Я призван к жизни кровью всех
рождений
И всех смертей, я знаю времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу
От облаков до глубины морской:
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу
Зеленый, ржавый, рдяный, золотой...

ДЕВОЧКА В ЛЕСУ

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки, хлопает стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

— Ой, березы вы мои, березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расплетите косыньки мои,

Приоденьте корнем и корою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

ОЛИВЫ

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.

Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.



КОМИТАС *

Ничего душа не хочет,
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный, Комитас.

Медленно плывут светила
По спирали в вышине,
Будто их заворожила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда страшного суда.

Константин Ломиа

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Звезда
3
март
1987
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

ПОЭТ И ПАМЯТНИК

Не забуду тот день в золотой и печальной окраске,
проживи я хоть два долголетия наших абхазских.

В самом центре Кутола навечно, как до́лжно поэту,
встал Алеша Ласуриа [1], друг мой, которого нету.

Встал он в камне безмолвном, взглянул непривычно сурово...
А народ пред поэтом застыл в ожидании слова.

И тогда, чуть сутулясь, как будто под тяжкою ношей,
слово вымолвил Симонов — друг и учитель Алеши:

— Берегите поэтов! Не раньте, не троньте злоречьем:
их сердца беззащитны, поэтому недолговечны...

Жить ему оставалось в ту пору лишь самую малость...
Весть о смерти летела — и так же, как он, задыхалась.

И казалось, я слышу сквозь версты, дороги, кварталы
давний голос его, глуховатый, привычно картавый:

— Берегите поэтов! Не раньте, не троньте злоречьем:
их сердца беззащитны, поэтому недолговечны...

Перевел с абхазского Марк Соболь

* * *

И солнцу положить конец пришлось
Своим трудам дневным, трудам немалым.
Зашло оно и где-то улеглось,
Укрывшись морем, словно одеялом.

И вышли звезды. Тысячами глаз
Они глядят с небес, чтобы, покуда
Спит солнце до зари, никто из нас
Ему не сделал худа.

* * *

Стояли, велики и тяжелы,
Старинные часы со звонким боем.
Они тащили время, как волы,
Иль время их тащило за собою.

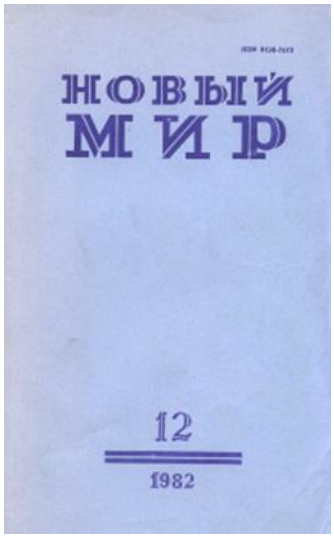
И все-таки не вечны и они,
Хотя из бронзы сделаны и стали.
Они так много за былые дни
Секунд, минут, часов пересчитали,
Что вдруг устали, вздрогнули и стали.
Лишь время вечно, а не шестерни.

* * *

Кто б на свете сетовал на ветер,
Если бы он листья не срывал,
Кто б на свете сетовал на ветер,
Если бы он пыль не поднимал.
Право же, никто на белом свете
Никогда б не сетовал на ветер,
Если б птиц с пути он не сбивал,

Если бы не причинял он горя
Многим обитателям земли,
Если бы не будоражил моря,
Не топил бы в море корабли.

Перевел с абхазского Н. Гребнев



ГЕОРГИЙ МАРКОВ

★

СОВЕТСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ

Союзу Советских Социалистических Республик — шестьдесят лет. Со славой выдержав многие грозные испытания, наше государство, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, осуществляя планы Коммунистической партии, добилось всемирно-исторических побед. Эти завоевания общеизвестны, они превратили наше отечество в надежный бастион мира и социализма, в оплот прогрессивного человечества. СССР — одна из самых могущественных стран планеты. На примере развития нашей многонациональной литературы, всей советской культуры все честные люди могут судить, какой поистине великий путь прошла наша страна. Искусство советских народов — и больших и малых,— озаренное идеями коммунизма, раскрылось во всем богатстве национального своеобразия, самобытности художественного гения, принесло человечеству непреходящие ценности.

На 77 языках наций и народностей создается ныне литература СССР! Стоит вдуматься в названную цифру. Значительная часть наших национальных литератур — новописьменные. Только после Октябрьской революции десятки народов бывшей царской империи обрели свою письменность. Это событие явилось в их жизни переломным, приобщило миллионы людей к культуре и просвещению и дало им крылья для полета в просторах истории. Характерная черта советской литературы — рост, активное творческое движение всех ее национальных отрядов. В едином содружестве, на общих идейных позициях партийности и народности в советской литературе успешно трудятся писатели самых различных национальностей. Талант, правда, верное служение партии и народу — таково требование к писателю независимо от того, принадлежит он к многомиллионному народу или к малой народности. Всех советских писателей объединяет беспредельная преданность ленинской партии, готовность отдать все свои силы торжеству коммунистических идеалов.

С трибуны XXVI съезда партии Л. И. Брежнев говорил о новой приливной волне в развитии советской литературы и искусства. Эта волна уже принесла немало талантливых произведений, созданных во всех наших республиках. Хотелось бы подчеркнуть — во всех республиках! Сегодня своим мощным напором новая приливная волна выражает глубинные, определяющие ход истории процессы, которые происходят в общественном сознании советского народа. Об этих процессах, закрепляющих великие завоевания ленинской национальной политики нашей партии, Л. И. Брежнев на XXVI съезде сказал: «Неуклонно укрепляется братская дружба всех народов нашей многонациональной Родины. Наш курс — наращивание материального и духовного потенциала каждой республики и вместе с тем его максимальное использование для гармонического развития всей страны. На этом пути мы добились поистине исторических достижений».

В этом великом и многогранном процессе деятельно участвует и советская литература. Силой своих идей, силой художественных образов она формирует коммунистическое мировоззрение многонационального читателя, воспитывает людей в духе советского патриотиз-